

УДК 32.001

Е.В. Бродовская, д-р полит. наук (4872) 33-23-52, brodovskaya@inbox.ru
(Россия, Тула, ТулГУ)

М.А. Варфоломеев, аспирант, 80107416966, max-varfolomeev@yandex.ru
(Россия, Белгород, БелГУ)

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В МОДЕЛЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА

Рассматриваются особенности воспроизводства политических систем в условиях транзитивного развития; исследуется вариативность результатов транзита; обосновывается отсутствие обусловленности первоначальных этапов межрежимного перехода и достижения консолидации демократии.

Ключевые слова: демократический транзит, консолидация демократии, консенсус, политический режим, политическая система общества, политическая элита.

Процессы демократического транзита в странах Центральной и Восточной Европы продолжают уже более 20 лет и по-прежнему вызывают устойчивый интерес ученых, представляющих разные школы политической науки. Наиболее адекватным ответом на многочисленные вопросы, возникшие в рамках транзита, явилась парадигма транзитологии, которая стала не только аналитической моделью, но и совокупностью практических рекомендаций для проведения социально-экономических и политических реформ. Вместе с тем, данное направление политической мысли имеет некоторые методологические ограничения, анализ которых осуществляется представителями двух подходов. Положения первого из них содержатся в работах Т. Карозерса и С. Коэна [41, 12], которые исходят из того, что концепция «переходного периода» или «третьей волны демократизации» в определенной мере исчерпала свой аналитический потенциал. Второй подход отражен в исследованиях А.С. Панарина, опирающегося на тезис о том, что глобальная демократизация не является единственным вектором развития даже для стран Западной Европы и Северной Америки [26].

Тем не менее, транзитологическая парадигма имеет ряд позитивных возможностей для исследования переходных процессов [13, с. 50]. Во-первых, рассматриваемая теоретическая конструкция позволяет проанализировать динамические аспекты политической жизни как постоянно изменяющееся состояние идей, общественных групп, институтов, практик, не фиксируемое в категориях статики. Во-вторых, транзитология преодолела линейность в анализе переходных процессов, выделив систему факторов и параметров, определяющих наличие причин и вариативность результатов политических изменений. В-третьих, именно данная парадигма учитывает сложносоставной характер переходного процесса: сочетание устойчи-

вых/динамичных, формальных/неформальных, функциональных/дисфункциональных, открытых/латентных, эндогенных/экзогенных и других элементов. И, наконец, в-четвертых, транзитология предполагает изучение во взаимосвязи глобальных долгосрочных тенденций развития и локальных процессов.

Необходимо отметить, что многообразие форм и результатов демократического транзита порождает диверсификацию позиций транзитологов. Одни авторы особое внимание обращают на значение внешних факторов демократизации, другие - внутренних. Демократизация, согласно первой из указанных точек зрения [30], осуществляется более или менее успешно в зависимости от того, насколько благоприятное воздействие на политическую систему оказывает внешняя среда. К ее основным параметрам относятся: массовая притягательность демократических идеалов, экономическая неэффективность и делегитимизация авторитаризма, особенности адаптации демократических институтов и процедур, направленность и интенсивность влияния международных акторов и т.д.

При анализе внутренних факторов демократических транзитов традиционно выделяют два подхода - структурный (акцент делается на государство- и нациеобразующие, социально-экономические и культурно-ценностные предпосылки становления демократии) и процедурный (основополагающим является выбор и последовательность конкретных решений и действий тех политических акторов, от которых зависит процесс демократизации). Представители структурного подхода (С. Липсет, Г. Алмонд и С. Верба, Р. Инглехарт и др.) [18, 39, 10], если объединить их концепции в некую обобщенную модель, выделяют три базовых типа предпосылок перехода к демократии: во-первых, обретение национального единства и соответствующей идентичности; во-вторых, достижение довольно высокого уровня экономического развития; и, в-третьих, массовое распространение таких культурных норм и ценностей, которые предполагают признание демократических принципов, легитимность основных политических институтов, высокий уровень межличностного доверия, сформированность культуры гражданственности и др.

Сторонники процедурного подхода (Г.О'Донелл, Ф. Шмиттер, Т.Л. Карл, А. Пшеворский, Х. Линц и др.) [25, 36, 28, 16], прежде всего, обращают внимание на эндогенные факторы демократизации. С этой точки зрения, последовательность и взаимообусловленность определенных политических решений и действий, выбор тактики теми акторами, которые инициируют и осуществляют демократизацию, важнее для ее исхода, чем существующие предпосылки демократии. Главным в данном подходе является взаимодействие конкурирующих элит, сознательный выбор ими в процессе политического торга организационных форм и институтов новой политической системы. Следует подчеркнуть, что обозначенные подходы

дополняют друг друга, так как фактически исследуют различные аспекты демократических транзитов. Например, используя методологию «воронки причинности», А.Ю. Мельвиль осуществил полифакторный анализ, включающий структурные и процедурные компоненты [21].

Вариативность процессов демократизации потребовала разработки динамических моделей функционирования политических систем в условиях транзита. Одним из первых внимание этой проблеме уделил Д. Рас-тоу [29]. Согласно его мнению, демократический переход включает в себя следующие фазы:

«подготовительную» (preparatory phase), которая характеризуется серьезным конфликтом внутри политики;

«фазу принятия решений» (decision phase), где осуществляется выбор альтернатив, заключение пакта или пактов на основе прагматических компромиссов, которые включают выработку и сознательное принятие демократических правил;

«фаза привыкания» (habitation phase), при которой политические институты и процедуры постепенно закрепляются и утверждаются в обществе в качестве демократических.

Известны также концепции С. Блэка, который выделял этапы «осознания целей», «консолидации модернизируемой элиты», «содержательной трансформации» и «интеграции общества на новой основе» и Ш. Эйзенштадта, который дифференцировал периоды «ограниченной модернизации» и «распространения преобразований на все общество» [40, 37].

В модели А. Пшеворского выделены два этапа переходного периода - либерализация и демократизация, но при этом особый акцент делается на характере соотношения политических сил, участвующих в конфликте и достижении согласия. Второй этап демократизации он делит на две стадии: «высвобождения из-под авторитарного режима (extrication from the auturitarian regime) и конституирования (constitution) демократического правления» [28]. Либерализация, для которой свойственна нестабильность, может пройти постепенно, в результате компромисса, налаживания взаимопонимания между реформаторами (внутри авторитарного блока) и умеренными (внутри оппозиции). Вторая последовательная часть демократизации - «конституирование демократии» - осуществляется, прежде всего, путем переговоров.

Намеченные А. Пшеворским варианты развития политической системы транзитивного типа стали предметом анализа, осуществленного С. Хантингтоном, который предложил три варианта демократизации стран «третьей волны»: трансформация (трансдействие), распад и трансрасстановка (высвобождение), после чего следует консолидация нового политического режима [31]. Выделенные С. Хантингтоном формы демократиза-

ции отражают логику, согласно которой роль элит в переходный период можно определить как ключевую. При каждом варианте развития сохраняются одни и те же основные игроки - элита («трансформация») и оппозиция («замена»). Совместные действия данных акторов наблюдаются при «трансрасстановке».

Наиболее развернутую этапизацию переходных преобразований предложили Г. О'Доннелл и Ф. Шмиттер [44], обосновавшие наличие следующих трех стадий:

либерализации, характеризующейся возникновением кризиса идентичности, падением авторитета власти, выявлением недостатков институциональной системы; установлением «дозированной демократии», легитимирующей сторонников преобразований в политическом пространстве;

демократизации, выражающейся в институционализации демократических ценностей, норм и процедур, в процессе которой происходит внедрение демократических институтов (выборов, партий) в политическую систему общества;

консолидации демократии, заключающейся в необратимости демократических преобразований, т.е. в добровольном принятии новых институтов и процедур всеми ключевыми участниками политического процесса как единственно правильных и всеобщее приемлемых.

Исходя из рассмотренных транзитологических моделей, О.Г. Харитонова [32, с. 71] предприняла попытку выстроить интегральную логику демократического транзита, в рамках которой выделяются четыре стадии:

- либерализация политической жизни, предполагающая институционализацию гражданских свобод;

- демонтаж наиболее нежизнеспособных институтов прежней политической системы;

- демократизация, означающая установление норм, процедур и институтов нового демократического режима и консолидацию демократической политической системы;

- ресоциализация граждан в соответствии с ценностными приоритетами новой политической системы.

При этом О.Г. Харитонова отмечает, что логика перехода к демократии может основываться на двух схемах, различие которых состоит в наличии или отсутствии консенсуса между умеренными и сторонниками старой системы. Первая схема, названная кооперативной, предполагает, во-первых, постепенную и последовательную либерализацию политического режима, во-вторых, последовательный демонтаж нежизнеспособных институтов прежней политической системы при разумном воспроизведении сохранивших право на жизнь старых и конституировании новых демократических институтов и, в-третьих, ресоциализацию населения. Вторая схе-

ма, условно названная автором конкурентной, включает в себя резкую либерализацию, распад прежней политической системы и попытки внедрения новых демократических институтов вопреки сопротивлению элитных и массовых групп.

В отличие от представленной точки зрения, В.Я. Гельман подчеркивает, что решающую роль в инициировании изменений играют именно элиты, а массы влияют на политику лишь в той мере, в какой им позволяют это делать элиты. Для того, чтобы массы приобрели реальное политическое значение, они должны быть мобилизованы элитой (или контрэлитой). В связи с этим В.Я. Гельман высказывает точку зрения, согласно которой массы следует рассматривать как специфический вид доступных элитам ресурсов, а не самостоятельных акторов [6, с. 82]. При этом значительное влияние на процесс и итог демократического транзита оказывает внутренняя структура элит, то есть соотношение их различных сегментов.

По мнению одного из представителей теоретического направления демократического элитизма Дж. Хигли, политические элиты могут создавать и поддерживать демократии так же, как они создают и поддерживают и другие типы политических режимов. Элита, члены и группировки которой склонны к умеренному и уважительному по отношению друг к другу политическому поведению, всегда формируется до того, как демократические принципы и правила принимаются большинством граждан, и демократические институты становятся стабильными [33].

Вместе с тем, на начальном этапе демократического транзита, когда главной задачей властной элиты является утверждение в обществе принципов правового государства, из всех ее функций (интегрирующей, координирующей, организационно-мобилизующей, структурообразующей, распределительной и охранительной) приоритетное значение имеет охранительная функция. Она возникает из необходимости создать в обществе порядок, обеспечить безопасность граждан и эффективную работу государственных механизмов [9, с. 53]. Таким образом, парадоксальность роли элиты на начальном этапе демократического транзита состоит в том, что иницируя действие легитимационных механизмов для сохранения собственной власти, она играет важную позитивную роль в демократизации общества.

Следует подчеркнуть, что в процессе демократического транзита роль элит существенно меняется и по мере консолидации демократии происходит переход от доминирования в деятельности правящего класса охранительных функций к интегрирующим. Демократическая консолидация представляет собой такой этап преобразования политической системы, который, по выражению Г. О'Доннелла, приводит к «утверждению демократии» или к «эффективному функционированию демократического режи-

ма». Данная формулировка раскрывает суть демократии как общественно-политической системы, предполагающей приобщение подавляющей части общества (включая не только политические, общественные организации, институционализированные группы интересов, но и массовые слои населения) к ценностям демократии, осознание демократии как наиболее оптимального типа политического режима.

Наиболее актуальные трактовки «утвердившейся демократии» оценивают степень устойчивости демократических режимов по трем параметрам - институциональному, ценностному и поведенческому. Демократия считается необратимой в условиях, при которых политически значимые группы общества выражают приверженность демократическим правилам игры и согласие с тем, что ключевые политические институты обеспечивают единственно легитимные рамки политического соперничества. Аналогичные критерии при определении сущности «утвердившейся демократии» используют Х. Линц и А. Степан [1]. Согласно их позиции, демократическая консолидация предполагает проведение глубоких преобразований как минимум на трёх уровнях: конституционном (демократические процедуры и институты воспринимаются обществом как наиболее приемлемые механизмы регулирования социальной жизни), ценностном (в политике не осталось сколько-нибудь влиятельных политических групп, которые бы стремились подорвать демократический режим или осуществить сецессию) и поведенческом (политические акторы «привыкают» к тому, что все общественные конфликты решаются в соответствии с законами, процедурами и институтами, санкционированными новым демократическим процессом). Л. Даймонд [8], соглашаясь с Х. Линцом и А. Степаном, утверждает, что легитимация демократии должна включать в себя разделяемую большинством общества нормативную и поведенческую приверженность специфическим правилам и порядкам конституционной системы данной страны. Помимо указанных уровней процесса консолидации демократии, В. Меркель [23] выделяет ещё один – уровень политической репрезентации, выражающейся в наличии интегрированной партийной системы и системы взаимодействующих групп интересов.

Проблемы политической репрезентации затрагиваются в работах Ф. Шмиттера [21], который определяет консолидацию демократии как процесс, при котором эпизодические соглашения, половинчатые нормы и случайные решения периода перехода от авторитаризма трансформируются в отношения сотрудничества и конкуренции, прочно усвоенные, постоянно действующие и добровольно принимаемые теми лицами и коллективами (то есть политиками и гражданами), которые участвуют в демократическом управлении. Эффективность консолидации демократии зависит, по его мнению, от способности политиков и граждан найти пути разрешения существующих между ними внутренних конфликтов по поводу норм, а

также от того внешнего воздействия, которое основанный на избранных нормах политический курс будет оказывать на различные группы общества. Ф. Шмиттер связывает консолидацию демократии с наличием и функционированием гражданского общества, так как рассматривает современную демократию как «совокупность частных режимов, каждый из которых институционализирован вокруг своего особого участка общества для представления той или иной социальной группы и разрешения свойственных ей конфликтов». Именно поэтому наличие представительных и медиаторных организаций, составляющих гражданское общество, способствует консолидации демократии, так как оно стабилизирует ожидания социальных групп и регулирует их поведение, а также является для граждан каналом самовыражения и идентификации.

По замечанию А. Шедлера, расширение границ категории консолидации демократии приводит к тому, что в этот процесс включаются такие разные элементы, как «массовая легитимизация режима, распространение демократических ценностей, нейтрализация антисистемных акторов, обеспечение верховенства гражданских лиц над военными, устранение авторитарных анклавов, партийное строительство, организация функциональных интересов, стабилизация электоральных правил, рутинизация политики, децентрализация государственной власти, введение механизмов прямой демократии, судебная реформа, облегчение положения бедных и экономическая стабилизация» [34]. Такая ситуация стимулирует поиск способов структурирования различных компонентов процесса консолидации.

В трудах отечественных исследователей приоритетное внимание уделяется анализу факторов и форм консолидации. Например, М.Ю. Попов и В.Н. Кузнецов [27, 13] рассматривают формирование идеологии, представляющей собой относительно устойчивую артикулированную совокупность понятий и принятых целей, идеалов, ценностей и интересов в качестве системного фактора консолидационного процесса. Ряд российских авторов (А.А. Яковлев, В.К. Левашов) [38, 15] связывают консолидацию, прежде всего, с деятельностью элиты, использующей определённые политические технологии.

В основе гипотезы, предложенной Е.А. Агеевой [2, с. 11], лежит комплексное и процессуальное понимание консолидации, включающей достижение определённости политического режима, легитимности власти, адаптивности политической системы. Исходя из этого все процессы, связанные с получением, удержанием и использованием власти, должны быть системным образом институционализированы. Консолидация в этом случае осуществляется посредством совместных усилий государства, политических партий, общественных объединений по поводу принятия и реализации демократических правил. К политическим мероприятиям, создающим условия для необратимости демократических преобразований, автор относит: налаживание партнёрских отношений между основными политиче-

скими субъектами, межэтническое согласие, децентрализацию власти с одновременным повышением доверия между уровнями и ветвями власти, установление плюрализма.

В ряде работ встречается структурирование демократической консолидации посредством выделения взаимосвязанных уровней. При этом анализируются следующие компоненты рассматриваемого процесса: институциональный (создание властных структур, вбирающих в себя конкурирующие интересы различных политических сил); процедурный (все политические акторы соблюдают правила игры, установленные в конституции); ценностный (достижение согласия в отношении базовых демократических ценностей). Кроме этого, обладая существенной структурной сложностью, этап консолидации/утверждения демократии характеризуется не только внутриэлитной интеграцией, но и интегративными процессами, обеспечивающими взаимодействие элитных и массовых групп [4, с. 87].

Таким образом, характер консенсуса как общественного признания способов и средств политического правления и интеграции является основным показателем консолидации. В политической науке существуют разные классификации консенсусов. Так, М. Хеттих [42] различает материальный и формальный консенсус, отмечая при этом, что в социальной реальности оба его вида могут присутствовать одновременно. Материальный консенсус характеризуется тем, что всеобщее согласие распространяется на самих представителей властной элиты, их политические решения. Формальный консенсус означает согласие с политической системой и, прежде всего, со способом осуществления господства, т.е. с политическим режимом.

Принципиально иные критерии дифференциации типов консенсуса в политических системах транзитивного типа представлены в классификации Б. Дж. Нельсона [24]. По характеру общественного согласия автор выделяет «негативный» и «позитивный консенсус». Наличие первого из них обеспечивает общественное согласие на этапе «деструктивных» перемен, связанных с разрушением прежней авторитарной системы. Однако, как справедливо подчеркивает Б. Дж. Нельсон, в ходе дальнейших экономических и политических изменений возникает настоятельная потребность в «позитивном консенсусе». Одним из необходимых условий осуществления «конструктивных» преобразований становится, по крайней мере, общее понимание конечных целей реформ и согласие «желаемых форм общественного устройства». Следовательно, достижение согласия между элитами и массовыми группами по поводу направленности и способов осуществления демократических преобразований отражает суть «позитивного консенсуса».

Учитывая ведущую роль элит в процессе демократического транзита, Дж. Хигли и его соавторы выделяют четыре типа элитной структуры: идеократическую (высокая интеграция, низкая дифференциация), разде-

ленную (низкая интеграция, низкая дифференциация), фрагментированную (низкая интеграция, высокая дифференциация) и консенсусную (высокая интеграция, высокая дифференциация) [43]. Первый тип элитной структуры характерен для стабильных недемократических режимов, а последний – для стабильных демократий. Одним из достоинств данной классификации является учет двух критериев структурирования элит в транзитивных системах, что позволяет сделать следующий вывод: для укоренения демократии важна не только интеграция элит, но и сохранение высокого уровня конкурентности.

Представленные выше теоретические модели перехода к демократии характеризуют демократический транзит «третьей волны». Вместе с тем, опыт преимущественно посткоммунистических стран потребовал коррекции представлений об особенностях, формах и результатах транзита, которые никак не вписываются в логику растянутой демократизации. Среди особенностей рассматриваемых транзитивных процессов можно выделить следующие.

Основной проблемой функционирования институциональной системы в посткоммунистических странах является отсутствие в обществе устойчивых источников легитимности политической системы, социальных сетей, оказывающих влияние на воспроизводство формальных и неформальных институтов. Эта проблема была вызвана как силовым разрушением старой институциональной системы в процессе перехода, осложняющим процесс ресоциализации граждан, так и институциональными искажениями, приводящими к формированию в обществе неадекватного восприятия демократической институциональной системы.

Характерной чертой транзитивного процесса в посткоммунистических государствах является, с одной стороны, заимствование демократических институтов, а с другой, - деинституционализация ряда областей общественной жизни, что во многом определило функциональность политических систем. Деинституционализация и проблемы в развитии институциональных систем способствовали формированию многочисленных неформальных правил, углубляющих гетерогенность, свойственную для этих государств (межэтнические конфликты, фактическая десуверенизация и т.д.).

Обозначенные параметры посткоммунистических транзитов оказали влияние на вариативность итогов переходного процесса. Помимо консолидированных демократий, на посткоммунистическом пространстве наблюдается консолидация гибридных режимов, сочетающих демократические и авторитарные тенденции. Базовыми особенностями указанных режимов являются отсутствие в обществе социокультурных условий для консолидации, наличие поляризации, сохранение неопределённости результатов транзита, что вынуждает правящую элиту стабилизировать политическую

систему «сверху». С одной стороны, подобная стабилизация препятствует процессу консолидации общества на основе демократических ценностей, с другой стороны, режимная консолидация создаёт условия для обеспечения государственности и суверенитета.

Таким образом, разновекторность процессов посткоммунистических преобразований и неоднозначность их результатов, долгое время рассматриваемые исследователями как отклонения в процессе перехода к демократии, доказывают, что транзит – это процесс, который может пониматься как переход от одного типа режима к другому, имеющему недемократический характер, хотя и обладающему определёнными, чаще всего институциональными, признаками демократии: выборами, разделением властей, многопартийностью и т.д.

При этом в подавляющей части посткоммунистических государств режимная консолидация означает, прежде всего, стабилизацию существующего властного режима, обеспечивающего устойчивое воспроизводство сложившейся политической системы. В свою очередь, это предполагает элиминацию оппозиции как сколько-нибудь влиятельного политического актора, а также создание и поддержание механизмов легитимации существующего режимного порядка, которые – с учётом имеющихся у власти административных и иных ресурсов – минимизируют неопределённость результатов осуществления формальных демократических процедур [21].

В качестве основных механизмов воспроизводства посткоммунистических политических систем выступают «наличие сфер принятия решений, «зарезервированных» за какими-либо политическими силами, а также сильная «вертикаль» власти и отсутствие «горизонтальной» подотчётности должностных лиц друг другу, что делает невозможным реальное ограничение исполнительной власти» [8]. Кроме того, стабилизация электоральных и различных разновидностей гибридных режимов базируется на достаточно высоком уровне легитимности власти и нежелании большинства общества вернуться к авторитарному правлению. О достижении режимной консолидации можно говорить в том случае, если в государстве не осталось влиятельных антисистемных групп, стремящихся подорвать основы сложившегося режима [16].

К условиям режимной консолидации, по мнению А. Валенсуэла, следует также отнести реализацию принципов законности, политического представительства и эффективного государственного управления. Автор считает: «Государственный потенциал связан с необходимостью укрепления самих институтов власти в плане их способности предоставлять государственные услуги и их возможности обеспечивать соблюдение установленных норм и правил и поддерживать общественный порядок. Подотчётность подразумевает полную реализацию принципа господства права с прозрачными стандартами, которые применяются ко всем, независимо от статуса. Представительство предполагает основополагающую справедли-

вость и эффективность избирательных систем и стабильность политических партий как инструмента выражения предпочтений граждан. Управление относится к способности государственных органов в лице исполнительной и законодательной власти трансформировать пожелания различных партий в меры эффективной политики на основе правления, осуществляемого либо партией большинства, либо коалицией партий» [5].

Обобщая приведенные точки зрения, выделим признаки режимной консолидации:

- наличие демократических институтов и, прежде всего, института выборов;
- существование «зарезервированных» сфер принятия решений для представителей политической элиты;
- реализация гражданских свобод преимущественно для обеспечения электоральной конкуренции;
- формирование сильной «вертикали власти», что обеспечивает расширение полномочий исполнительных органов;
- усиление контроля государства за медиаторными и представительскими организациями.

Преобладание режимного типа консолидации на посткоммунистическом пространстве нашло отражение в типологии вариантов осуществления транзитов Б.И. Макаренко [20]. Он разделил их на четыре группы в зависимости от уровня консолидации демократии. В качестве основы их дифференциации, автор использует созданный С. Хантингтоном «тест двумя передачами власти» [31], согласно которому демократия становится необратимой только тогда, когда «партия демократизаторов» уступает власть после поражения на выборах, а затем возвращается к власти в следующем электоральном цикле. Исходя из этого в стране должны существовать как минимум две политические силы, способные брать и отдавать власть по демократическим правилам. Автор расположил постсоветские государства по шкале «убывающей консолидации» следующим образом:

- страны с необратимым процессом демократической консолидации (Литва, Эстония, Латвия);
- переходные демократии, неутратившие возможности консолидации (Молдавия, Украина, Россия, Армения);
- страны, находящиеся в «авторитарном поле» (Грузия, Белоруссия, Азербайджан);
- страны, утрачивающие формальные признаки демократии (Киргизия, Казахстан, Таджикистан);
- страны, не вписавшиеся в «третью волну» (Узбекистан, Туркменистан).

Необходимо учитывать, что достижение режимной консолидации не исключает возможности дальнейших режимных изменений, которые могут

начаться в результате перераспределения ресурсов между основными политическими акторами и привести к новому внутриэлитному конфликту, который может стать условием продолжения консолидации демократии. Однако «завершение же процесса консолидации возможно только на этапе формирования дифференцированного либерально-демократического режима, обязательным условием, которого является развитая партийная система без сильных антисистемных партий» [3, с. 474 - 475].

Сохранение демократического вектора развития в условиях режимной консолидации во многом зависит от статуса партий в политической системе общества. Характеризуя процесс становления партийных систем в условиях посткоммунистических преобразований, Ю.Г. Коргунюк выделяет «флуктуационные (крайне неустойчивые, возникающие в моменты революционных взрывов), периферийные (характеризующиеся неспособностью представленных в законодательных органах партий контролировать исполнительную власть) и псевдопартийные (те, в которых исполнительная власть сама контролирует деятельность парламента с помощью «партий власти»)» [11, с. 21] типы. Слабость политических партий на начальных этапах транзита впоследствии компенсируется усилением исполнительной власти, опирающейся на деятельность доминирующего партийного актора.

Следует подчеркнуть, что в условиях транзитивных преобразований изменяются структура и функции политических партий. Наряду с традиционными (кадровыми и массовыми) формируются партии картельного типа, которые представляют собой политические образования, объединяющие несколько клиентел [9, с. 80]. Смысл возникновения партий картельного типа в условиях стабильной и консолидированной демократии состоит в том, чтобы выработать механизм распределения государственных постов между группами профессиональных политиков. При неконсолидированной демократии такие партии могут в определенных условиях служить дополнительным источником политической и социальной нестабильности. Концентрируясь на сохранении статуса правящих элит, они не только интегрируют социально-экономическое и политическое пространство, но и вызывают институциональные искажения в политической системе.

Подводя итог, необходимо отметить следующее.

В теоретических моделях демократического транзита устойчивое воспроизводство структур политической системы обеспечивается завершенностью преобразований на институциональном, ценностном и поведенческом уровнях. Многоуровневость и стадийность межрежимных переходов «третьей волны» позволяет говорить о вариативности результатов транзита. Исходя из этого консолидация демократии представляет собой совокупность взаимосвязанных процессов внутриэлитной (режимной и

партийной) солидаризации и интеграции (ценностной и нормативной) общества.

В транзитивных обществах наряду с консолидированными демократиями могут сложиться гибридные и недемократические режимы, для которых характерна исключительно институциональная консолидация, выражающаяся в стабилизации политической системы, чему способствуют разрешение внутриэлитных конфликтов и ограничение антисистемных акторов.

В силу того, что сохранение высокого уровня неопределенности развития транзитивных политических систем препятствовало достижению позитивного консенсуса между конфликтующими элитными группировками по поводу правил и процедур политического процесса, доминирование сильного политического актора (институтов президентализма или парламентаризма, партии власти или партийного блока картельного типа) является основным условием стабилизации и воспроизводства.

Учитывая, что для перспектив развития политической системы общества важное значение имеет не только уровень интегрированности элит, но и поддержание их конкурентности на политическом пространстве, именно состояние института партий определяет возможности сохранения демократического вектора.

Специфика транзитов в посткоммунистических государствах свидетельствует о том, что, испытывая наибольшие трудности с достижением ценностного и поведенческого уровней консолидации, элитные группы концентрировали усилия на создании условий для партийной консолидации. Вариативность типов партийной консолидации на постсоветском пространстве зависела от таких факторов, как форма транзита, тип консенсуса между элитами, статус прежних номенклатур, наличие традиций парламентаризма, степень развития институтов гражданского общества и другие.

Список литературы

1. Авинери Ш. Линц Х., Степан А. Проблемы демократической трансформации и консолидации - Южная Европа, Южная Америка, посткоммунистическая Европа // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. М.: Изд-во Центра Конституц. исслед. МОНФ, 1997. № 2 (19). С. 152 - 157.

2. Агеева Е.А. Консолидация общества как политический феномен // Политика и политология: актуальный ракурс / под общ. ред. И.А. Батаниной, М.Ю. Мизулина. М.; Тула: Изд-во ТулГУ, 2005. С. 6 – 12.

3. Байхельт Т. Демократия и консолидация в постсоциалистической Европе // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации

глазами немецких исследователей/ред.-сост. П. Штынов. СПб.: Европ. ун-т СПб. Т.1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. 2003. С. 474 - 475.

4. Бродовская Е.В. Козволюция институциональных и социокультурных составляющих трансформационного процесса. Тула: Изд-во ТулГУ, 2009. 220 с.

5. Валенсуэла А. Хрупкие демократии // Финансы & развитие. 17 декабря 2005 г. Вып. 42. № 4. С. 16 – 17.

6. Гельман В.Я. Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Полис. 2007. № 2. С. 81 – 108.

7. Глухова А.В. Почему в России так трудно достигается согласия? Политологический аспект проблемы [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.rciabc.vsu.ru/irex/pubs/glukhova3.htm>

8. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации?//Полис. 1993. № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.politstudies.ru/N2004fulltext/1999/1/3.htm - Загл. с экрана.

9. Елисеев С.М. Выйти из «бермудского треугольника»: о методологии исследования посткоммунистических трансформаций // Полис. 2002. № 6. С. 71 – 82.

10. Инглхарт Р. Культура и демократия // Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 106 – 129.

11. Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. автореф... д-ра полит. наук. М., 2009. 45 с.

12. Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО-XX, 2001. 304 с.

13. Кузнецов И.И. Парадигма транзитологии (плюсы и минусы объяснительной концепции переходного периода) // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 46 – 51.

14. Кузнецов В.Н. О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект // Безопасность Евразии. 2003. № 3 (13). С. 7 – 47.

15. Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций // Социс. 2004. № 7. С. 27 – 45.

16. Линц Х. Государственность, национализм и демократизация / Х.Линц, А. Степан // Полис.1997. № 5. С. 9 - 29.

17. Липсет С.М., Ленц Г.С. Коррупция, культура и рынки // Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под. ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 149 – 166.

18. Липсет С.М., Кен-Рюн С., Торрес Д. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 5 – 34.
19. Ломов В. Региональная власть: оценка легитимности и эффективности // Власть. 2006. № 4. С. 51 – 58.
20. Макаренко Б.И. Консолидация демократии: «детские болезни постсоветских государств» // Полития. 2002. № 4. С. 4 – 18.
21. Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 2. С.64 - 75.
22. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. 1998. № 3. С. 6 - 38.
23. Меркель В. Теории трансформации. Структура или актор, система или действие? // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей / ред.-сост. П. Штынов. - СПб.: Европ. Ун-т Спб. Т.1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. 2003. С. 56 - 81.
24. Нельсон Б. Дж. Социальная политика и управление: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М. 1999. С. 527 - 569.
25. О’Доннелл, Г. Делегативная демократия // Пределы власти. 1994. № 2 – 3. С. 52 – 69.
26. Панарин А.С. Искушение глобализмом. - М.: Алгоритм-Книга, 2002. 416 с.
27. Попов Э.А. Институционализация российской демократии // Социс. 2001. №5. С. 21- 28.
28. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 1999. 320 с.
29. Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 9 - 15.
30. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс – Традиция, 2004. 480 с.
31. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
32. Харитоновна О.Г. Генезис демократии (попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Полис. 1996. № 5. С. 70 – 79.
33. Хигли Дж. Демократия и элиты. Современные демократии должны стать более элитарными [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1>
34. Шедлер А. Что представляет собой демократическая консолидация? [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://old.russ.ru/politics/meta/20001003_schedler-pr.html. - Загл. с экрана.

35. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. 1996. № 5. С. 16 – 27.
36. Шмиттер Ф. Будущее демократии: можно ли рассматривать его через призму масштаба? // Логос. 2004. № 2. С. 137 – 156.
37. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 1999. 416 с.
38. Яковлев А.А. О несостоявшейся модернизации и социальной базе реформ в России // Вопросы статистики. 2003. № 4. С. 36 – 38.
39. Almond G. Political Culture and Political Development / G. Almond, S. Verba, L. Pay. Princeton: Princeton University Press, 1965. 513 p.
40. Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. 342 p.
41. Carothers T. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. № 1. P. 6 – 15.
42. Hattich M. Grundbegriffe der Politikwissenschaft. Darmstadt, 1980. S. 82.
43. Higley J. Political Elite Integration and Differentiation in Russia / Higley J., Bayulgen O., George J. // A. Steen, V. Gelman (eds.). Elites and Democratic Development in Russia. London and New York: Routledge, 2003. P. 11- 28.
44. O'Donnell G., Schmitter P. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. The Johns Hopkins University Press, 1986. 96 p.

Brodovskaya E., Varfolomeev M.

The Specificity of Functioning of the Political Systems in the Models of the Democratic Transit

The article deals with the peculiarities of reproduction of the political systems in the conditions of the transitive development; studies a variability of the results of the transit; explains the absence of the co-evolution between the initial stages of the transition and the achievements of consolidation of democracy.

Key words: the Democratic Transit, consolidation of democracy, consolidation of democracy, conditions, the political systems.

Получено 20.10.2010 г.